

Сергей Ерёмин

ПИЦЦА МОСГУТ

иронический роман

Сергей Викторович Ерёмин

Пицца МОСГУТ.

Иронический роман

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=42624460

ISBN 9785449685322

Аннотация

«Пицца МОСГУТ» представляет собой произвольное смешение противоречивых переживаний и рассуждений о повседневной жизни советского школьника и студента геодезического института. Пересказ в художественной обработке реальных случаев из жизни молодого человека конца XX века. Текст романа сознательно сделан составным. Ставил своей задачей показать, как из малых крупинок муки получается большой каравай.

Содержание

Глава 1. Издалека	5
Глава 2. Дом, которого уже нет	10
Глава 3. Моя детская Москва	18
Глава 4. Ночной гость	28
Глава 5. Красная площадь	32
Глава 6. Исторический спор	37
Глава 7. Сосед	41
Конец ознакомительного фрагмента.	48

Пицца МОСГУТ

Иронический роман

Сергей Викторович Ерёмин

© Сергей Викторович Ерёмин, 2019

ISBN 978-5-4496-8532-2

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Глава 1. Издалека

Долго я пытался подступиться к этому кладу. Всё кружил и кружил на подступах в нерешительности. Непонятно было с чего конкретно начинать раскопки. На первый взгляд, достаточное количество материальных свидетельств ещё сохранилось, ключевые моменты памятных событий присутствуют, узловые точки пути повествования просматриваются вполне отчётливо. Не без труда, но можно сопоставить обрывки воспоминаний с современностью и дополнить недостающие звенья цепи. Направление развития предполагаемой сюжетной линии теряется в потёмках, но имеется волшебный фонарик интерполяции памяти. Всегда можно нащупать правдивый недостающий пазл... Тем более что валяется он на, не таком уж, обширном письменном столе...

Единственная ниточка, за которую ещё можно потянуть и вытянуть своё прошлое – кипа пожелтевших, потрескавшихся, а кое-где и порванных фотографий. Этих снимков мало и они тоже имеют свойство умирать... Но они ещё есть, их можно пощупать, и на них много уже ушедших от нас людей, с которыми связана та, прошедшая жизнь. Пересматриваешь, вспоминаешь, впитываешь забытое...

Проблема, как всегда, в пустяковине, которую просто так посредством текстового сообщения не передашь, нужны, если хотите, тактильные ощущения... Как отразить тот дух

времени, который за последние тридцать лет так старательно и с азартом уничтожали и затаптывали в нашем сознании? Как передать мироощущение пятилетнего ребёнка из поздних 70-ых годов XX века в преломлении сегодняшних реалий? Понятно, что те волнующие запахи и звуки уже фактически потеряны, но возможна ли их реинкарнация посредством неуверенных и постепенно растворяющихся в дымке пролетающих лет воспоминаний?

Лично для меня важны именно эти, вроде бы, незначительные, но всё объясняющие моменты. Какая была брусчатка в тогдашнем Копьевском переулке, например. Или давно перегороженный проход, про который все забыли, а для меня он – потерянная вселенная, воспоминания о которой никому ничего не скажут... И это только о «косметических» потерях! Как вести беседу о целых срезанных пластах, которые составляли основу моей тогдашней жизни? Целые сегменты выброшены и забыты... А те, что не засосала в небытие трясина болота истории, покрылись таким могучим слоем, не пыли даже – настоящего цемента! Каким инструментом отколупывать наносную «броню» из словесной чепухи и реальной кирпичной пыли последующих времён, чтобы не повредить остатки «былого величия»? Как предъявить осколок прошлого, чудом спасённый, но потерявший первоначальный блеск, в качестве образца своей памяти, который-то всё и объясняет!?

Начнёшь вспоминать, а тебя поднимут на смех. Хуже того,

просто не поймут, ни единого слова! Где уж тут искать прелесть в оттенках интонации перебранки в очереди за хозяйственным мылом или следы потерянного аромата хрустящего батона из булочной... И батонов таких уже давно не делают, и булочную закрыли вместе с развалом Советского Союза, да и переулочек этот давным-давно непроходной...

Не хотелось бы, чтобы мои воспоминания стали напоминать эрзацподелки «под поздний СССР», который штампуют на сегодняшнем телевидении во множестве. Меня всегда поражала та смелость, с которой хватаются за подобные материалы молодые люди, совершенно для этого не подготовленные! Полнейшая дичь, которую они выдают за историческое кино (клип, книгу далее по списку) и ориентированная на таких – же, как и они сами, своих сверстников с усечённым образованием! Ну, нельзя к нашему прошлому применять стилистику американских комиксов! Современные «деятели» культуры, включите мозги, совесть... Поговорите с очевидцами, наконец. Они немногим старше вас – общий язык найти сможете. Только перестаньте пудрить мозги новому поколению, которое не понимает в силу своего постсоветского воспитания, что вы ему «впариваете» туфту, которая с каждым новым вашим «произведением» всё дальше и дальше отводит от истины, превращаясь совсем уж небыльщицу галимую...

Складывается стойкое впечатление, что та бесцеремонная, беспардонная и какая-то категоричная убеждённость

в своей правоте в вопросе истории навязывается всем нам с целью формирования нового стартового отсчёта отечественной истории. Но уже с опорой на «общечеловеческие ценности», придуманные искусственно и не в нашей стране. Вас не смущает, что даже у коммунистов не получился такой же фокус? Или вы твёрдо знаете, что новый (и одновременно, очень старый) «генератор заморочек» для нашей страны будет пострашнее и пробивнее отечественных большевиков? Как-то нам всем надо прекращать все эти заигрывания с Микки-Маусами...

Вот, и мне бы очень не хотелось скатиться в подобное непотребство и попытаться достоверно передать свои истинные впечатления и переживания того времени. Надо крепко поразмыслить над компоновкой текста и не допустить эффекта наложения света. Переборщишь с источниками освещения и получишь итоговую темноту. Понятно, что из-за малости моих тогдашних лет и относительной кратковременности проживания на задворках Большого театра, хронологическое повествование отпадает. Поэтому буду вспоминать тематически, собирая в отдельные главы впечатления и факты, скажем так, одного формата и одной направленности.

Прошу понять моё трепетное отношение к мелочам, возможно, чрезмерное, но они, как чуткие барометры великолепно фиксируют даже самые незаметные перепады той непохожести, которое и отличает наши эпохи. Так получается, но между ними вообще нет ничего общего, если при-

смотреться с пристрастием...

Отмечу также, что по вполне простительным причинам, большинство всплывших из омута памяти эпизодов относятся к завершающему году моего пребывания в этом удивительном месте. Но всё так витиевато перемешалось, наложилось друг на друга и перекрутилось, что никаких гарантий на этот счёт требовать от меня бесполезно...

Глава 2. Дом, которого уже нет

Трудно рассказывать, с упором на правдивость, о том, чего уже давно не существует... В прямом смысле этого слова этот дом, даже не дом – узенькая вставка между полноценными строениями. Со стороны Кузнецкого моста «мы» упирались в нормальный исторический, как и обязывает местоположение, представительский дом. Со стороны Большого театра «нас» ограничивала техническая постройка, относящаяся к епархии Мельпомены...

Понятно, что столь тесное «приобщение», точнее «вжatie» к такому могучему источнику культуры, возвышенному и прекрасному, никоим образом не приблизил обитателей инородного «импланта» к витающим в облаках богемным кругам, упаси Господь! Мы даже простым посещением рядового спектакля в Большом не могли «побаловать» свой, близкий к нулевому, культурный уровень вчерашних лимитчиков с Рязанщины. Хотя я и родился в городе-герое Москве и нигде себя больше не представляю, однако половина души так и осталась на земле предков и ни в какую не хочет оттуда возвращаться.

Если попытаться образно обрисовать наше отношение с великим соседом, то напрашивается морская тема. Если представить театр блистательным белоснежным лайнером, величаво идущим своим твёрдым курсом по ласково-

му Красному морю в направлении восхитительного завтра, то мы, в лучшем случае, можем претендовать на пару спасательных жилетов в Карском море да и то, в полярную зиму. Впрочем, это слишком щедрый аванс – если мы и бултыхаемся в море, то, скорее, в... лунном. Так велико было несоответствие наших миров.

Трудно вообразить, что в извилистом тупичке, кривляющимся в полутёмных задворках технических строений театра, могут обитать разумные существа. Если стоять лицом к колоннам Большого, то чтобы попасть в наш тупик нужно принять влево, прошагать вдоль всего театра и углубиться в полумрак под арку. Сделав несколько поворотов по узковатому коридору из кирпичных стен, упираешься в дверь без намёка на площадку перед ней. Мы – дома.

А, буквально, в двух шагах утопает в огнях респектабельный Кузнецкий мост, шумит Петровка с ЦУМом, рядом Малый театр... Можно себе только представить, как передёргивало ту же Мельпомену от подобного соседства с какими-то непонятными неандертальцами, озабоченными исключительно охотой и собирательством. Так, какие-то тараканы за стенкой шуршат и шуршат, суетятся чего-то... Не просто другой мир – другая вселенная.

В каждом европейском городе с многовековой историей есть район или просто улица с игрушечными домиками, так умиляющими всех туристов. Какая красота, прелесть неописуемая! Ах-ах-ах... Беззаботные туристы ходят, фотогра-

фируются на память. Ну, что сказать, внешний вид таких сказочных домиков, действительно, просится на открытку. Это, если не углубляться в вопрос... Ширина таких домиков в одно окно. Вас это не настораживает? Я всегда громко до неприличия смеюсь, когда слышу гипотетическое желание несведущего человека немного пожить в таком «пенале».

Допускаю, что человек внутренне себя ощущает шариковой ручкой или карандашом. В таком случае, карты в руки, извращайтесь, живите, сколько влезет. Влезет, правда немного, но это выбор этих чудаков... Для всех остальных говорю, как человек, проторчавший шесть лет в таком «пенале», где любое неловкое сгибание или слишком резкий разворот грозит сотрясением мозга, это – весьма неудобно. Наша «прянично – игрушечная» пристройка невообразимо грязно-болотного цвета была двухэтажной и содержала в себе два «пенала». Моя семья из трёх человек занимала нижний.

Попытаюсь немногими словами обрисовать наше обиталище. По своей компоновке, то, что имело наглость называться квартирой, в современном понимании можно классифицировать, как студию. А, продолжая театральную тему, скорее, гримёрку. Точнее, гримёрочку очень скромных размеров. И, спасибо пеналообразности нашего домика, непропорционально вытянутую в прямоугольник. Со всеми коммунальными «удобствами» напоказ в общем «зале» ближе

к входной двери. Кстати, о дверях. Других в нашей квартире не было. Ванная уже не помещалась, и мылись мы в тазике на «кухне» или общественной бане. С другой стороны, горячая вода в советской квартире – величайшее достижение цивилизации, не в каждой она, эта самая горячая вода, есть...

Кроме комода, шкафа, двух диванов, политической карты мира во всю стену, у которой стоял мой диван, и телевизора с двумя стульями мебели особо-то и не было. Вру! Были ещё настенный шерстяной ковёр с хрен-поймёшь-каким узором, повешенный на противоположной от карты стене и пластмассовая люстра «Каскад», которая «жива» до сих пор! Ну, и как же я забыл про свои санки! Не слишком ли рано я начал прибедняться? Если кое-какую нехитрую посуду не считать мебелью, то да, больше похвастаться нечем.

Единственное преимущество такой компактности – можно дотянуться до любого уголка не двигаясь с места. Ну, почти не двигаясь... Зато потолки были за три метра высотой, входные двери с массивными латунными ручками излучали барскую чванливую самоуверенность дворянских особняков. Во всём антураже чувствовалась какая-то половинчатость, недосказанность и недоделанность. Убожество с потугами на солидность и твердокаменную уверенность непонятно в чём... Точно в таких же апартаментах шикавал одинокий и пожилой сосед сверху. Вместе с немецкой овчаркой. А знаете, для одного человека и даже с крупной собакой в наших «пеналах» можно почувствовать себя вполне вольготно,

с претензией на уют. Для того времени, когда половина горожан прозябала в коммуналках...

Зато вид из единственного, но монументального окна, просто шикарен – через покатую стальную крышу уже сугубо театральной пристройки, отделяющую нашу от улицы Петровка, во всей своей готической мрачноватости красовался ЦУМ! Но тогдашнему ребёнку были глубоко безразличны все эти законные виды, главная удача от нашего уголка обитания заключалась в шаговой близости центрального Детского мира со всем его содержимым...

Наш сказочный домик обладал множеством несомненных достоинств, многие из которых не поддаются научному объяснению, но очень здорово помогали его обитателям в повседневной жизни. К примеру, поразительная, ничем и никем не нарушаемая тишина. Ты находишься в самом эпицентре самого шумного района Москвы, но создаётся полнейшее ощущение глубокого погреба, в который не проникают посторонние звуки и налицо «эффект бочки» или бездонного колодца. Конечно, тогдашнее уличное оживление с сегодняшним не сравнить, даже приблизительно... Дело даже не в физическом проявлении шума...

Но, как только ты свернул под нашу неприметную арку, сразу же, попадаешь в обособленный и молчаливый мир призраков и теней. Моментально пропадают городские звуки, и улетучивается мирская суэта. Даже воздух становится другим: густой «на ощупь» и, в тоже время, лёгкий для

дыхания. Происходит погружение в другое состояние, разительно отличающееся от привычного «общественного», словно, переключили тумблер, что самым серьёзным образом задумываешься о волшебстве или вмешательстве могущественнейших, но добрых к нашей кучке, потусторонних сил. Со временем к этому привыкаешь, но переехав в другое место, моментально чувствуешь, что пропал защитный купол, что ли... Ещё что-то пропало...

И ещё раз об этом монументальном окне – оно реально работало! Несмотря на всю свою иссохнутость и перекошенность, оно служило великолепной защитой от всей городской гадости, которая так явственно показывала своё присутствие, стоило только приоткрыть форточку.

Моё пребывание в «коробочке» в памяти крайне фрагментировано и цельной картины собой не представляет. Вот у дивана отец мне «всыпывает» ремня за какую-то проказу, вот я пытаюсь достать кружку на столе... А-а-а! Кажется, за эту неудачную попытку мне и был «выписан» ремешок. Не так уж и фрагментированы воспоминания – целый сюжет вырисовывается...

Наверное, можно поднапрячься и придумать стройную и непрерывную сюжетную линию этих шести лет. Но тогда мы получим, скорее, художественное произведение, а свою задачу я вижу, как перенос сохранившихся детских впечатлений в день сегодняшней с минимальным в них вмешательством.

Если хорошенько поразмыслить и сопоставить доступные факты и необъяснимые случаи, то можно прийти к одно-значному, экстраординарному выводу – наш дом охранял нас всех в меру своих сил и возможностей. Несмотря, даже на наше к нему пренебрежительное отношение. Он был добр к своим неблагодарным обитателям и не ждал взамен ничего.

Очень часто сталкивался с суждениями опытных театралов, знатоками городских тайн Москвы и просто любознательных людей о том, что Большой театр является неким олицетворением московского мистицизма, а проще говоря, в нём обитают привидения и прочие бестелесные духи. Знаете, почему я всегда относился к подобным рассказам с уважением, с искренним доверием и пониманием? А, я поясню...

Все сосредоточились на театре, а то, что свои флюиды он распространял и на своё окружение, как-то упустили из виду. Я понимаю, что такая мелочь, вроде нашей горстки, притулившейся в «трещине» за самой дальней стенкой, не в счёт. Но мы не считаем себя пустым местом и поэтому громким голосом говорим: «И мы многократно видели, слышали и чувствовали кожей то, что не в состоянии объяснить!»

Несколько раз я напрямую сталкивался с призраком, причём, одним и тем же и настолько явственным, что на галлюцинации и временную потерю разума это не спишешь.

Этот случай, растянувшийся во времени и разбившейся на несколько эпизодов заслуживает отдельного описания и попытки объяснения.

В отдельной главе попытаюсь обрисовать и передать ощущения, обуревавшие меня в те минуты.

Глава 3. Моя детская Москва

Моя детская Москва в памяти осталась бесконечной дорогой в детский сад в один из дворов улицы Петровка и обратно в нашу «вставку» (не путать со Ставкой, ха-ха...). С эпизодическими, но бесценными для меня «остановками». Сразу разбегаются глазки и чешутся ручонки – за что хвататься! Вовсе не от избытка сохранившегося материала, а, наоборот, из-за боязни просыпать те немногочисленные крупички, что имеются. Или, не дай Бог, забыть в последний момент какой-то важный фрагментик, кусочек...

Садик располагался довольно далеко, и добирались мы с отцом до него минут тридцать. Пешком по Петровке ближе к Бульварному кольцу. И где-то там сворачивали во дворы и петляли в переулочках. Кстати, здание этого садика сохранилось до сих пор... Что было в садике, как мы проводили там время, чем занимались, представляется одним днём. Точнее суток, так как я часто оставался меня в нём с ночёвкой. Была такая «опция» для работающих родителей. Никаких конкретных эпизодов – только запахи, описать которые сегодня не представляется возможным из-за отсутствия современных аналогов. Единственное, что помню более-менее осязаемо, так это одну девочку с чёрными косичками, с которой мы делили акварельные краски, но опять-таки уже по пути домой. Мы с ней хотели пожениться ещё. Родители

с обеих сторон были не против... Насколько я помню, свадьба не состоялась по причине нашего скорого переезда.

Самый «урожайный» на воспоминания этап – обратная дорога домой. Родители, чаще отец, старались провести меня разными путями, зацепить как можно больше разнообразных крючочков, которые бы оставили в моей памяти эти драгоценные минуты. Спасибо ему за эти бесценные крючочки...

Часто мы заглядывали в булочную на Большой Дмитровке (забыл её тогдашнее название). Очень мне нравилось заходить в эту булочную! Какой там стоял душистый аромат сдобы с маком и арахисом... М-м-м-м-м... Слюньки текли до пола и шлёпались на него сочными полновесными каплями... Любил тыкать без осознанной цели в батоны металлической ложкой, висевшей на цепочке тут же. Просто потому, что так делали все толпящиеся у лотков взрослые. Ещё мне нравилось разглядывать огромные, словно накаченные насосом, калачи на самых высоких полках. Если бы дотянулся, то обязательно собрал эти огромные «замки» все в охапку и унёс с собой. Но допрыгнуть до них я был не в состоянии... Только смотрел на них и вздыхал с сожалением.

Очень долго я был уверен, что хлеб в магазине не может быть другим! Только лишь, исключительно горячим и мягким с хрустящей корочкой. Редко мы доносили такой батон до дома в целости, незаметно для себя обязательно съедали половину. Идём по улице и жуём всухомятку вкуснейшую

мякоть, а корочкой захрустываем...

Пока мама «пробивала» в кассе покупку, отстояв обязательную и внушительную очередь, я, словно дирижабль в воздушном охранении, кружил по залу вокруг «островка» со всевозможной выпечкой, конфетами и печеньем. И облизывался самым натуральным образом, напоминая кота, готовящего свой прыжок за добычей. Но уже знал, что брать с прилавка «не хорошо». Чудесные мгновения, самые сильные...

А как передать ощущения от поездок в московском троллейбусе конца семидесятых? Не помню, чтобы мы попадали в толчею, и не было бы возможности залезть на сидушку. Это настоящая добрая сказка – прокатиться несколько остановок в троллейбусе ещё предыдущего «дутенького» образца сидя у окна. Сидения такие мягкие, что в них продолжаешь погружаться всё время поездки! Они скользкие и скрипучие... Ты в них погружаешься, как в облако, поскрипываешь и соскальзываешь, пытаешься дотянуться до окна, чтобы в него заглянуть. Красота. И опять этот непередаваемый запах... Конечно, не такой, как в булочной, но бесконечно уютный, успокаивающий и не забываемый... Наверное, о таком говорят «запах детства»... А вот, метро я не помню совершенно, хотя точно знаю, что неоднократно катался на нём. Ни эскалаторов, ни турникетов с неизменными «пяточками», которые нужно просовывать в щёлочку...

Много сказано о советском мороженом. Им восхищают-

ся счастливы, которые помнят его вкус. Ставят в пример его непревзойдённое натуральное качество и сокрушаются отсутствием такового у современных образцов. Я не буду спорить и что-либо доказывать. Возможно, мои детские впечатления о московском мороженом покажутся неубедительными и откровенно субъективными, пусть так и будет. Не представляю теперешний какой-нибудь пломбир или эскимо в качестве мечты современного карапуза. А в моё время вафельный стаканчик с крем-брюле – это самый настоящий хит! Его надо было ещё успеть урвать! Его вывозили на специальной тележке с приспособлением для лотка в торговый зал и торговали буквально минут десять. Не успел – жди следующую! Специально ради этого приходилось идти в ЦУМ или Детский мир. Других мест с таким мороженым в округе не было. Не просто в округе – во всей Москве не сыщешь! Можно, конечно, прогуляться и до ГУМа, но ради такой цели – явный перебор, тем более, после трудового дня. Советский покупатель тренированный и закалённый в боях за нужный товар, был способен проявлять чудеса выдержки и настойчивости, но... мороженое – откровенный каприз. К тому же, во все вышеперечисленные магазины мы ходили в основном, как на экскурсии в музеи. Приходилось терпеть и ждать очередной оказии...

Чтобы этот вожаемый стаканчик с остервенением сожрать и потребовать ещё один приходилось долго канючить и обещать всё своё послушание, на которое ты был спосо-

бен. Врать без зазрения совести и практически глядя в глаза своей благодетельнице, обещать заложить её, в первом же ломбарде за этот чёртов стаканчик. Благодетельница, в лице мамы, конечно, всегда сдавалась и покупала.

Правда, содержимое этого, с хрустом крошащегося от одного взгляда, перекошенного и помятого жизненными неурядицами, но ужасно ароматного сокровища, не всегда радовало стабильностью... Иногда попадались внушительные пустоты под соблазнительным шариком с шоколадной крошкой. Эти огрехи игнорировались и, конечно же, прощались доброй толстомясой тётеньке с накрахмаленным кокошником... Вне всякого сомнения, существовало мороженое и вкуснее, и красивее, но ничто не сравнится с этими бесподобными стаканчиками крем-брюле...

Центральный Детский мир. Для советского ребёнка трудно придумать место, более притягательное, манящее своими несметными сокровищами. Это святилище настоящего паломничества всех детей Советского Союза для меня было обыкновенной транзитной остановкой на пути к дому. Другое дело, что отовариваться здесь мы могли себе позволить по очень большим праздникам и, как правило, по мелочам. Чаще это была «мелочь» в виде того самого мороженого. Но были и исключения!

Помню, зашли мы на одну такую «экскурсию» поглядеть, как у нас было заведено, с открытым ртом на красочные «экспонаты», пахнувшие в зависимости от этажа или «соп-

ливным» клеем с гуашью, или пластмассой с резиной, или другой непонятной химией. Ходили по этажам, ходили... И, вдруг я вижу, стоит в неприметном уголке витрины в одном из игрушечных отделов среди всякой ерунды – Он! Самокат! Мечта всей моей недолгой и, как выясняется неполноценной, жизни! Самокат гораздо круче всякого мороженого! Он вообще – самое-самое! Он должен привнести смысл в моё существование... Этот шанс я упустить не мог. Мы не уйдём из магазина без моей мечты! Ни-ког-да! Конечно, был грандиозный скандал, и море горьких слёз, вперемешку с соплями. Никого вокруг не было – только самокат. Это был спектакль одного плохого актёра. Но мои завывания и кривляния, лёжа на полу, продавили стену непонимания, и я получил долгожданную вещь. Я был на седьмом небе от счастья – мечта сбылась... Этот угловатый, кондовый в своём исполнении, образчик нашей «детской» промышленности, наконец, оказался в моём полнейшем распоряжении. Вот, уж я покатаюсь на этом аппарате по всей Москве с головокружительной скоростью по её крутобоким улочкам!

Раза два или три я на нём прокатился... Минут по пять, со считанным числом отталкиваний. И он начал потихоньку рассыпаться, развинчиваться, потом отлетело переднее эбонитовое (я почему-то до сих пор думаю, что сделано оно было именно из этого материала) колёсико... Короче, как и предупреждала мама, это великолепное чугунное чудо советской техники оказалось полнейшим говном. А пред-

ставлялся таким крепким, весь такой железный, свинченный болтушками болтами, как трактор... Пускай крутятся в своих гробах бракоделы, смастерившие это непотребство! Они разрушили мечту, как минимум, одного ребёнка, гады!

Как я уже говорил, хотя мы и жили вплотную к Большому театру, но, ни разу в нём не бывали. Больше того, воспринимали его только, как досадную помеху на кратчайшем пути к нашему дому. Старались миновать его побыстрее и меньше плясать на эту махину с колоннами. Но внутри я всё-таки побывал! Не помню, как именно, но я кратковременно оказался в фойе, ничего там не увидел и со скоростью пушечного ядра вылетел наружу. Отметился... Сохранилась моя фотокартонка, где на фоне Большого театра стоит «оставленный и забытый» родителями карапуз, надутый, как индюк и готовый разрыдаться...

Нельзя пройти мимо такого немаловажного вопроса, как помывка в общественной бане. Не знаю, каким образом обстоят дела в этом вопросе сегодня, но в моём детстве мы спокойно посещали Сандуновские бани, словно домашнюю ванную. Мы не просто могли себе это позволить чисто финансово, но и никогда не сталкивались с проблемой дефицита, не знаю, как правильно выразиться, свободной помывочной площади, что ли... Хотя точно знали, что страдальцев, обитающих в центре города и имеющих коммунальную проблему, схожую с нашей, было полно.

Благо, Сандуны располагались буквально в двух шагах

от нас. Практически за углом... Так, что мы буднично, без малейшей торжественности, просто шли туда пешком, повторяю, словно в соседнее помещение и тупо мылись. Никаких ритуальных мероприятий в виде посиделок с кружкой пива и раками... Помню единственный «парадный» поход в баню. Специально для этой цели был куплен в хозяйственном магазине (моём «любимом» – сегодня напротив этого угла установлен памятник Высоцкому с распростёртыми руками) «бюджетный» берёзовый веник, за который в банях пришлось бы выложить кругленькую сумму.

Само нутро бань помню в слайдовом формате: тепло, много густого пара, отдельная кабинка, выложенная белым кафелем, какой-то тазик с мочалкой и резиновый коврик на полу. Можно сказать, что для общественной бани вполне уютно и умиротворяюще.

Не лишним будет и упоминание о самом первом своём культурном шоке. Который так неожиданно потряс меня до глубины души в пять с половиной лет. В пять лет! Я своим, не то, что неокрепшим – практически полностью отсутствующим ещё интеллектом, как-то очень отчётливо понял, что где-то там, в неясной дали забугорья, существует другая, непохожая на нашу жизнь.

Незадолго до нашего переезда на московскую окраину, в начале 1980 года к нам в гости приехал мой дядя, мамин младший брат. Он был среди первых срочников, кого отправили на войну в Афганистане. Служил он в автобате, во-

зил топливо через перевалы в составе транспортных конвоев. Много чего он рассказывал... Тема войны в нашей семье всегда присутствовала, к тому же, был ещё жив их с мамой отец – ветеран Большой войны. Вернулся весь в дырках, с орденами. О войне практически не говорил, но и без слов всё было понятно – герой, принесший нам Победу.

Поэтому рассказ об Афганистане для меня свёлся к двум вещам, которые дядя и подарил на память. Первая диковинка – шариковая ручка с вмонтированными в неё электронными часами, а вторая – наручные часы и тоже электронные, совмещённые с микрокалькулятором с масюсенькими кнопками. У нас у всех в доме была настоящая истерика, когда мы увидели эти фантастические, как говорит современная молодёжь, гаджеты! Мы не знали, плакать нам или смеяться. Поэтому, на всякий случай, совместили...

Мне шёл шестой год и я вполне осознанно смотрел телевизионные новости, немного ориентировался в сложившейся обстановке на мировой, как говорится, арене... Довольно хорошо представлял себе, где находится этот самый Афганистан, как там живёт народ... Плюс рассказанное дядей... Плюс привезённые им инопланетные артефакты... В голове зашуршали мысли, в панике шарахающиеся от извилины к извилине... Кажется, даже немного поднялась температура. Чтобы стало всё совсем понятно, надо подчеркнуть, что кроме продуктов питания из стран «народной демократии», с импортными вещами я пока не сталкивался. Ладно, я знал

о существовании Америки, Европы, Японии и других богатых стран, где люди живут лучше и зажиточнее нас. Причём, заметно лучше.

Но, чтобы в Афганистане, перепрыгивающим из войны в войну, люди в повседневной жизни сталкивались и свободно манипулировали вещами, о которых мы, граждане могущественнейшей страны – великой супердержавы и слыхом ничего не слыхивали... Для меня это было оглушительным откровением, заставившим впервые задуматься, об информационной полноте наших новостных передач. На каком-то участке происходила явная пробуксовка информационного потока. О том, что нас откровенно и систематически «обувают» и «буксуют» на всех участках без исключения я тогда ещё не знал...

О-о-о! Как же я забыл упомянуть об уникальном эпизоде... Именно по «той Москве» мои родители могли позволить себе, пусть и единожды, но прокатить меня на такси! Конечно, не забавы ради, а по уже забытой и вполне уважительной причине, но факт остаётся фактом – самый простой советский человек мог себе позволить воспользоваться услугами такси. Причём, шиковали довольно долго и по времени и по пройденному расстоянию... С того памятного момента и до сегодняшнего дня я даже представить себе не могу уважительную причину для подобных покатушек.

Глава 4. Ночной гость

Сразу маленькая ремарка. Проблематика так называемых «вещих» снов останется для меня в стороне от размышлений и рассуждений, так как это всё – фигня, граничащая с дежа-вю и прочей эквилибристикой нейронов. Нельзя всерьёз оперировать данными, неуверенно получаемыми через раз. Буду опираться на факты или то, что я считаю фактами, и с которыми столкнулся по жизни лично, без посредников.

Как я уже упоминал, Большой театр и окружающее его пространство, место само по себе мистическое, полное городских легенд и навевает всевозможные размышления на темы о необъяснимом и таинственном. Даже страшноватом. Об этом говорили и продолжают говорить многие, кто плотно связан с этим пространством либо работой, либо частыми посещениями.

Видения, которые меня неоднократно посещали весь завершающий год (скорее всего, дольше) жизни в этом удивительном месте, я до сих пор не могу однозначно идентифицировать как сновидения. Слишком явственно всё ощущалось и чувствовалось... Если выпренно, то практически кристально-чистой реальностью, незамутнённой дымкой дрёмы или медикаментозного забытья. Прошло почти сорок лет, а я так и не разобрался во всех нюансах происходившего действия, буду настойчиво повторять, неоднократно.

Для меня эти ночные «встречи» так и остались каким-то неясным предзнаменованием чего-то непонятного и величественного в своей необъяснимости и суровой торжественности.

Эта фигура появлялась на фоне шкафа по ночам в отблеске уличного фонаря. Этот фонарь, как специально, светил таким образом, чтобы ночной визитёр выглядел максимально отчётливо и, не побоюсь этого слова, доходчиво.

Не знаю, что меня пугало больше всего. Я даже не могу уверенно сказать, что как-то особенно пугало, скорее, интересовало своей откровенной сказочностью и какой-то гибельной, отрешённой от мира умиротворённостью. Здесь важны нюансы при передаче моих эмоций – никакой панической атаки! Только понимание неизбежности чего-то всеобъемлющего, неземного... Судьба в самом тёмном её варианте, но, где властвует не ужас, а обязательность свершения чего-то непонятного и таинственно- грозного, её безапелляционность.

Двуногое чудовище-химера с верхней частью тела от волка с мощными саблевидными рогами и клыками, а нижней – от козла с соответствующими копытами и хвостом. Я частенько размышлял, каким образом у меня получилось составить такой образ (если фигура и впрямь, игра моего воображения), на основании каких исходных данных смог «вылепить» подобное. Никаких, особо сильных впечатлений за столь незначительный жизненный срок, способных так

причудливо трансформироваться, на ум не пришло. Не стоит забывать, что никаких ужастиков с триллерами на телевидении ещё и в планах не было.

Оно всегда стояло, молча спиной к шкафу и в профиль ко мне, косясь правым глазом в мою сторону. Всё мгновенно пропадало, когда я пытался до него дотянуться, а оно вот-вот на меня посмотрит обоими глазами, полностью развернувшись в мою сторону. Было так страшно и, одновременно, завораживающе интересно, что даже хотелось смеяться от полной беспомощности. Но дыхание останавливалось и я проваливался... просто, куда-то молча проваливался.

Я до сих пор явственно помню каждый волосок его длинной густой шерсти иссиня-чёрного цвета. С каждым новым таким «свиданием» моя рука подбиралась к всегда неподвижному объекту всё ближе и ближе. Хотя, неподвижность «козловолка» тоже была весьма условной. Если общее положение тела оставалось неизменным, то устрашающая голова с каждым новым «визитом», медленно и неуклонно разворачивалась в мою сторону. И вот в момент, когда мы должны были соприкоснуться и моей руке оставались считанные миллиметры до ближайших волосков его шерсти, всё неожиданно прекратилось. Больше мы не виделись.

Я так и не понял, в какой «игре» с неизвестными правилами «принимал участие»? С какой целью это видение приходило? Дождаться того момента пока я до него дотянусь, чтобы пропасть навсегда? Или это было скрытое послание

с предостережением о нежелательности моего прикосновения к чему-то? К чему? И – главное. Для какой цели, и по каким причинам нужно было все эти «встречи» растягивать во времени? Интересно, также, что интервалы «посещений» были произвольными и непонятно от кого зависящими. Явно не от меня...

А через несколько месяцев наша семья переехала. В новой квартире, расположенной почти у МКАДа, подобных ночных «посиделок», точнее, «постоялок» не случилось...

Глава 5. Красная площадь

Бескрайняя Красная площадь с пирамидой Мавзолея и с постоянно забитым народом ГУМом, а также примкнувшим к ним Кремлём с мрачноватыми арками в башнях являлись некоей игровой площадкой в моём детском восприятии окружающего мира.

Именно, в такой последовательности. Если в ГУМ мы, нет-нет, но изредка заходили, без особой цели, правда, то в Кремле были только один раз и кроме Царь-пушки с Царь-колоколом ничего особого в голове не отложилось. Кроме, пожалуй, одной непатриотичной мысли, которая почему-то шевельнулась в моём детском воображении при очередном круге у пушки. Много, наверное, потребуется пороха, чтобы вытолкнуть из ствола на более-менее приличное расстояние такое ядро! Мне, пятилетнему, сразу показалось подозрительным, что толщина ствола совсем не солидная и не соответствует чудовищным ядрам. Откуда такое познание, не знаю... Но я живо вообразил бесконечный процесс засыпания пороха, не менее интересное заталкивание ядра и с каким грохотом вся эта красота разлетится при сгорании запала... Я даже разревелся под впечатлением от всех этих картинок. Стою в сердце нашей Родины и реву...

Да и с Первым магазином Советского Союза вспоминается только один яркий эпизод на фоне фонтанчика с беско-

нечной толчеёй вечно спешащей толпы москвичей, разбавленной в солидной пропорции гостями столицы. На втором этаже, не помню, в каком отделе, я впервые увидел в натуральном виде и подержал в руках сторублёвую купюру, а после покупки – ещё и пятидесятирублёвую! Я знал, что денежки такого номинала существуют, но до последнего момента с ними не сталкивался. Они для меня воспринимались, как мифические животные, в существование которых можно только верить, но пощупать и похрустеть ими, скорее всего не доведётся, лучше и не надеяться... И, вот, в ГУМе, звёзды сошлись, такая двойная удача!

Оба номинала были настолько крупными, что в нашей повседневной жизни их использование практически исключалось, а солидные покупки, соизмеримой стоимости, осуществлялись крайне редко и, как правило, без моего присутствия. Сначала одну бумажку повертел в руках, похрустел... Через минуту выпросил вторую – тоже повертел, полюбился... Зелёная бумажка мне понравилась больше, ну, она и осталась у мамы в кошельке. Теперь я видел всю ленинскую «линейку»...

Кстати, о Ленине, раз уж мы недалеко. В нашей семье никогда не относились с каким-то особенным почтением к коммунистическим идеалам, ко всем этим внешним проявлениям лояльности, вроде, первомайской демонстрации или коммунистического субботника. Конечно, и в том и другом мероприятии приходилось участвовать, но только лишь по при-

вычке. Вроде как, всегда так было и другой жизни мы не знаем. Так, вот, возвращаясь к Владимиру Ильичу...

В те годы Ленин для меня был воплощением всего хорошего, доброго, светлого, что только мог олицетворять собой «самый человечный человек на земле» для советского ребёнка. Я об этом, конечно, не задумывался. Просто знал и других вариантов не имел. Ты только родился, сделал первых вдох и уже – «Ленин, партия, комсомол». Почему именно эти слова, что конкретно они под собой подразумевают, для какой цели они вживлены в моё пока не сформированное сознание, мне знать было не нужно. Довольно того, что они уже сидели в башке. И только со знаком «плюс», без полутонов и поводов для возможных глупых вопросов. Кстати, не только глупые, вообще, вопросы задавать не приветствовалось. Мне об этом впрямую никто не говорил, а «программа» вживлена ещё до рождения и уже работает без сбоев...

«Ну, что? Пойдём к „лысому“? Он здесь валяется в двух шагах, в посёлке расскажем...» Эта фраза из разговора двух провинциалок средних лет, услышанная у «Вечного огня» меня передёрнула. Я даже захотел расплакаться от неслыханной несправедливости. О ком это они говорят в таком пренебрежительном тоне!? О Владимире Ильиче Ленине, добром дедушке!?! Может, мне показалось... Как это...

Я впервые столкнулся с «альтернативным» видением места личности в истории и растерялся... А, что так тоже можно?! Какая-то чепуха получается... Кто-то где-то ошибает-

ся... Но заложенные при рождении «программные» установки быстренько подрихтовали полученную извне крамолу и всё моментально забылось. Всё – я этого разговора не слышал...

Непостижимым образом в головах советских людей прекрасно уживались явное пренебрежение, и даже презрение ко всему коммунистическому нагромождению, которое им ежесекундно насаждалось из каждого утюга и жгучее желание отстоять, к примеру, многочасовую очередь к «лысому» вместо того, чтобы посвятить это время тому единственному делу, ради чего и приезжали – беготне по магазинам. Как так получается? Где все мы лукавим и претворяемся искренними верноподданными строителями светлого будущего?

И я однажды с отцом отстоял в этой дикой очереди к Ильичу. Утомились страшно, но выдержали и добрались до Мавзолея только с моральными травмами. Обошли вокруг подсвеченного стеклянного гроба со строгими лицами и в скорбном молчании. Увидел я содержимое этого гроба... Было торжественно и печально. Рассматривать тело не позволялось и общее настроение было – побыстрее убраться отсюда. Не суетливым, но ускоренным шагом мы вышли на свежий воздух, прошлись по кладбищу вдоль стены и затерялись в Китай-городе. Мне не понравилось...

Ну, на салют Победы меня водили обязательно! Как же я мог пропустить такое событие? Вся страна празднует мой день рождения! Надо уважить... Народу собиралось на пло-

щади – яблоку негде упасть! Все хором считали залпы. А, вот, на параде не был ни на одном! Их было в году несколько и всё равно – прошли мимо...

Зато принял самое непосредственное участие в одной первомайской демонстрации трудящихся города Москвы в замыкающих её рядах! Столько одновременно по-праздничному пьяных людей, весело размахивающих флажками и воздушными шариками, я ещё не видел! У меня в руках тоже были два шарика, правда, я не был пьяным, но тоже весело ими размахивал. Не помню, был ли этот год юбилейным, но отмечался он с размахом, и на трибуне Мавзолея было не протолкнуться. Народ распевал песни, шелестел бумажными гигантскими цветами, скандировал в разную какую-то жизнеутверждающие речовки, играла бравурная музыка. Идёшь в море кумачовых полотен, с правой стороны по ходу движения – стена Кремля, слева – временно красная стена ГУМа, сзади сам по себе красный Исторический музей и только впереди – собор Василия Блаженного с разноцветными маковками! Погода солнечная, на небе ни облачка! Кругом – «мир, труд, май!» Красота... Мне запомнилось со знаком «плюс», было весело.

Глава 6. Исторический спор

Как я уже говорил, на стене у моего дивана висела огромная, два на три метра, политическая карта мира. Восхитительная и блестящая во всех отношениях. Главной её особенностью являлся не размер или глянцевая поверхность, а детализация содержимого. Она указывала не только государственные границы стран, но также и административные внутри каждой. Например, США были «разлинованы» на все свои пятьдесят штатов, каждый со своим оттенком коричневого. Долгое время я знал все их названия вместе со столицами. И ФРГ разблюдовали на все её земли, тоже, кстати, коричневые... Деление всех-всех федеративных стран было указано. Разумеется, Советского Союза тоже, вплоть до областей и последнего национального округа... Мне она очень нравилась, и я её постоянно разглядывал, изучил всю досконально.

И так получилось, что из деревни я упросил родителей привезти небольшую стопочку географических атласов и других допотопных учебных карт. Долго я их рассматривал, изучал с пристрастием – как же, практически раритет. Прижизненное сталинское издание 1952 года! Один раз посмотрел, другой, третий – очень интересно, но какая-то смутная непонятка отложилась... Не могу понять, в чём дело? Вроде, всё отмечено и указано, как надо, Рязань на месте,

Москва тоже... Крым тоже присутствует и в атласе и «на стене».

Да, Крым! Меня осенило, наконец, что так долго мучило, свербило настойчиво! Вот оно – несоответствие! Я ещё некоторое время сомневался, может быть, опечатка или типографский ляп? Но вспомнив об услышанных свидетельствах и увиденных материалах о нравах тех лет, отринул от себя подобные подозрения. Не могло в те годы случиться нечто подобное! Что же меня так всколыхнуло?

В географическом атласе 1952 года, на его страничке административно – территориального деления нашей страны полуостров Крым был окрашен в розовый оттенок Краснодарского края и имел приписку РСФСР! На более современной карте, которой я так гордился, Крым был замазан зелёным цветом УССР. Где ошибка?

Позвал отца и от него услышал коротенький, но колоритный рассказ о Никите Хрущёве – козле, который всегда предавал Россию, а в этот раз превзошёл самого себя, взял и с «барского плеча» подарил Крым своей любимице – Украине. Кстати, в этот знаменательный вечер я впервые услышал слово «Россия» и узнал, что оно значит.

Я ничего из сказанного в этот вечер не понял, но для солидности задал несколько интересующих меня вопросов. Например, поинтересовался, почему ради дружбы с Японией нельзя ей тоже «подарить» острова, на которые она так отчаянно претендует и всё никак не может заполнить. Их же

даже, вот на такой большой карте, как наша, рассмотреть невозможно. Что, СССР – жмот, такой незаметный пустяк отдать? Ради дружбы же... И опять в ответ услышал гневную тираду о том, что разбрасываться добром, которое наши предки так обильно полили своей кровью, очень нехорошо. И нельзя по политической карте мира, даже такой большой и подробной, судить о реальном значении той или иной точки на настоящей местности. Это, как геологу выдать контурную карту и отправить в тайгу на разведку. Добраться до нужного пункта он не сможет, зато «открытых» им месторождений наотмечает вволю. Получится полнейшая тупа при красивой картинке.

Помнится, что я долго не мог успокоиться от осознания несправедливости окружающего нас мира (с проявлениями такой несправедливости я сталкивался часто и всегда подолгу не мог успокоиться). Одни сложнейшие, как мне казалось, проблемы решаются в мгновение ока, без видимого напряжения. Десятилетиями не могли решить, а тут – раз и готово! Другие, наоборот, элементарные и пустяковые усложняются, как мне тоже казалось. Решение их специально затягивается, невероятно усложняется, обременяется глупыми и припаянными за уши условиями...

Всё это мне было непонятно, страшно интересно, но было уже поздно, и я отвернулся к стенке с картой и мгновенно заснул. А про «политический» разговор с отцом до поры до времени забыл...

Долго я хранил «сталинские» атласы... Сберег при переезде, аккуратно сложив в специально купленную для этой цели папочку. В новой квартире нашёл для этой папочки своё место на полочке и хранил, как зеницу ока. Долго она хранилась – до Путина. Со временем, конечно, появились другие заботы, и вылетела из головы мысленная забота об этой «раритетной и почти антикварной» стопке атласов с картами... Короче, столько лет пылинки сдувал – сдувал, а сунулся недавно, всё обыскал – пропала куда-то эта самая дорогая для памяти папка со всем её содержимым...

Глава 7. Сосед

По причинам, вполне простительным и объяснимым, мне неизвестно, кто из нас заселился в наш сказочный теремок первым. Или мы – «мышки-норушки», или «лягушка-квакушка» со второго этажа. Во всяком случае, всё своё проживание в нашей «вставке» я ассоциирую исключительно с неизменным присутствием над нашими головами этого жильца и его овчарки. Они были всегда. И когда мы переезжали, он всё ещё оставался.

Для меня он был олицетворением этого дома, его дух, привидение – хранитель. Я не удивлюсь, если во время второго пришествия выяснится, что кроме нас его никто больше не видел, и мы жили бок о бок с самым настоящим призраком. Конечно же, всё гораздо прозаичнее и никакой он не бестелесный дух, а обыкновенный пенсионер с собакой, который органично вписался в нашу хибарку. Наш сосед и наш дом были созданы друг для друга, их (в моём воображении) невозможно представить по отдельности. Каждому из них явно будет не хватать своей половинки.

Как его звали? Для меня он – дядя Боря. Насколько это утверждение справедливо, проверить невозможно, да и не нужно. Пусть останется дядей Борей... Главное – он идеальный сосед, которого никогда не слышно, но при любой первой надобности он всегда рядом и готов помочь всем,

чем только сможет.

Это был высокий, сухопарый старикан, склонный к уединённому образу жизни. Мне почему-то сегодня кажется, что ему было лет триста, но выглядел он на шестьдесят пять. Великолепный образчик ленинградского интеллигента. Именно таким я всегда представлял коренного жителя Ленинграда. Бледного и худого, с умными глазами и длинными пальцами. Он бы более органично смотрелся на набережной Фонтанки, а не у нас на Кузнецком мосту. Чувствовалось в нём что-то морское... и пиратское. Такой собирательный образ пирата – интеллигента в отставке. Наверное, надоела ему морская беспокойная жизнь, и решил он перебраться в Москву на... дожитие. В тельняшке я его не видел и якорей на предплечьях тоже, но что-то такое ощущалось... Да, нет... Скорее всего, почудилось... В нашем доме всегда что-то чудится, мерещится...

Если подытожить, то дядя Боря – замечательный сосед и живчик, не утомляющий окружающих своей активностью. Это очень ценное качество для единственного соседа на нашем изолированном от океана большого города «островке»!

Помню только два случая нашего с ним непосредственного общения. И оба оставили самое неизгладимое впечатление! И чем дальше убегает время от тех событий, тем явственней проявляется глубочайшее влияние, которое они оказали на меня. Не всегда очевидно, что это последствия именно тех эпизодов...

Но я-то знаю, ничего не проходит бесследно, особенно, если оно заложено в таком возрасте. Ты сам уже и забыл давно, а проходит много-много лет, буднично реагируешь на текущее событие, а в голове всплывает с отчётливым и очень даже громким «всплеском» – да, это – то самое! Ты поступил именно так, а не иначе только по одной причине – твои детские переживания оказались сильнее нынешнего благоразумия. И удивляешься в неподдельном волнении от столь неожиданного «открытия». Интересно, а какие ещё «скрытые демоны» обитают в моём сознании и ждут момента, чтобы вылезти наружу со словами: «Приве-е-ет! А мы с тобой были всю твою жизнь и, вот, решили напомнить тебе, что ты не „одинок“! Что-то ты не очень нам рад? Удивление, похожее на испуг...»

А как себя вести в такой ситуации!? Усугублять и без того непростое положение, в котором взрослый человек реагирует на сложившиеся обстоятельства рефлексамии маленького мальчика, и вступить во внутренний «диалог» со своими вновь обрётёнными старыми «друзьями»? Со стороны такой «диспут», однозначно, будет выглядеть, как громкая заявка на скорейшую госпитализацию в смирительной рубашке!

Но, если внешнее проявление такого выяснения отношений с самим собой я могу контролировать, то внутренние натянутости и противоречия всё равно останутся не разрешёнными. И как с ними быть? Загонять в глубину сознания, и ждать непонятно какого эффекта от их обязательного

«прорыва» или попытаться найти им «мирное» применение в современном обществе через анализ пользы детских страхов и их трансформации по мере взросления индивидуума?

Говорят, что человечество за всю свою историю не поумнело, а только обзаводилось продвинутыми «игрушками», которые появлялись по мере эволюции. Не помню точно, но как то так... У меня вопрос по теме: «А конкретный человек в течение своей жизни тоже не умнеет, а только лишь реализует заложенную в него «программу», попутно используя наработки «программ» других людей? Стоит ли этому конкретному человеку противопоставлять своё мироощущение своим же «демонам», «подбрасывающих» откровенную чепуху для твоей возможной её реализации на практике и норовящих, почему-то, во всём тебе перечить и делать «на дурачок»? Единственное, что пока меня успокаивает, по крайней мере, не доводит до отчаяния, так это внесезонность подобных вопросов. Могу себе позволить рассуждать на подобные темы, когда захочу. Что, однако, не снимает покрывало неясности с проблемы...

Я не помню, по какой конкретно причине, оказался в первый раз у соседа дома, очевидно, его попросили за мной приглядеть какое-то время. И мне удалось рассмотреть его жилище во всех подробностях. Переступив порог его квартиры, сразу стало ясно, что она не имеет практически ничего общего с нашей, до мелочей не похожа. Непонятно почему, но я до сих пор не указал на самую очевидную сторону на-

шего скромного, а теперь уже вполне себе даже замысловатого «теремка» – нестандартность, нестандартность в самых малозначительных пустяках.

Теперь уже и для меня самого стала понятна первопричина моего особого представления об окружающем мире. Представления, в котором прямолинейность и прямоугольность – понятия из геометрии. Кроме, разумеется, логики, непрерываемая прямолинейность которой и делает её собственно логикой. Для всего остального асимметрия и художественные допущения, подкреплённые математическими выкладками, самое естественное решение. Я с математикой в контрах, но известно, что любая красота имеет свою описывающую формулу. И она не подразумевает прямых углов.

Всё это в полной мере относилось и к тому пространству, которое дядя Боря считал своей квартирой. Единственное, что совпадало в наших квартирах, так это площадь, что логично вытекает из постулата о вертикальности стен. Это подтверждается плотным примыканием к стене нашего шкафа. Дальше – только различия. Сложилось впечатление, что соседу, как одинокому квартирисьёмщику, одинаковую с нами площадь «компенсировали» значительно меньшим объёмом. Потолок его квартиры являлся одновременно и крышей всей нашей пристройки. Крыша была двухскатной, следовательно, и стены в квартире в верхней и большей своей половине были тоже скошенными. Это придавало жилищу некоторый парижский шарм мансарды, но заметно увеличивало

вероятность столкновения головы (дядя Боря, как я уже говорил, довольно высок) с ограничивающей жилое пространство поверхностью стен.

Если наше окно было монументальным, то здесь – вполне обыкновенное, аккуратное окно, впрочем, такое же потрёпанное. Зато имелось дополнительное маленькое окошко, смотрящее в перпендикулярную сторону вверх внешних пристроек, и из него можно было рассмотреть тыльную часть Большого театра.

Оказывается, умывальник с унитазом имели отдельное помещение, изолированное от всего остального стеклянной дверью. Понятно, почему у нас её нет – её просто выбросили, чтобы не мешалась в нашей тесноте. Была какая-то нехитрая мебель, точно не помню какая именно, но под столом ютилась овчарка, размеры которой только выигрывали от общей компактности помещения, скажем так.

Так, вот, первым неизгладимым впечатлением стала пасха, которой меня и отпотчевал дядя Боря. Неожиданное блюдо из отварного риса с изюмом мне понравилось, но породило вопрос «А?» Он мне много чего рассказал о пасхе, о Пасхе и почему я, собственно, встречен таким образом. Я был крещён в младенчестве, немного уже знал о церкви (хотя бы уже то, что в окружающем меня развитом социализме она присутствует) и все деревенские родственники – активные прихожане. Но в Москве с таким проявлением религиозности я столкнулся впервые. В голове укоренилось фундамен-

тально.

Второе посещение соседа обернулось для меня в прямом смысле кровопролитием. Виноват я сам. Мне почему-то показалось, что единственного посещения вполне достаточно, и я могу чувствовать себя в чужой квартире свободно. Бдительная овчарка была с этим не согласна и внесла свои коррективы... Опередив на лестнице дядю Борю, я буквально ворвался в его квартиру, за что и получил... Собака прикусила слегка мне правую ладонь. Кровищи было много, ещё больше пороссячьего визга. Если бы слышала мама, она бы точно упала в обморок. Впрочем, успокоился я довольно быстро, да и визжал я не от боли, а от непонимания несправедливых, как мне казалось, действий четвероногого охранника.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.